

Таким образом, на сегодняшний момент довольно большое количество исследователей занимают антагонистическую позицию к современной мейнстримовой модели. Отчасти некоторые из них, наверняка, представляют интересы и определенных исключенных политических акторов, нуждающихся в легитимации через персонификацию и узнаваемость, представляющих свои проекты как «концептуально организованную единицу политологического дискурса»¹¹. Любые изменения экономической составляющей моментально сказываются на политической и социальной реальности в сторону их качественного преобразования. Таким образом, необходимо констатировать продолжающиеся попытки политологического и культурологического сообщества по изменению общественного мнения и политических предпочтений в сторону неклассических экономических моделей.

Примечания

- ¹ *Shachtman M.* The Soviet Union and the World War // *New International*. 1940. Vol. 6, № 3. P. 68.
- ² См.: *Худокормов А. Г.* Современная экономическая

теория Запада (обзор основных тенденций) // *Вопр. экономики*. 2008. № 6. С. 20–43.

- ³ *Olsevich Y.* O psihogenetičeskikh i psihosocialjnih osnovah ekonomičeskogo povedenija // *Montenegrin Journal of Economics*. 2007. Vol. 3, № 6. P. 13.
- ⁴ *Gesell S.* The Natural Economic Order. L. : TGS, 2007. Part 4. Ch. 1. P. 75.
- ⁵ *Idem.* P. 121.
- ⁶ Цит. по: *Голубицкий С. М.* Freigeld // *Бизнес-журнал*. 2007. № 18. С. 127.
- ⁷ *Peters A.* Das Äquivalenzprinzip als Grundlage der Global Ökonomie. Vaduz : Akademische Verlagsanstalt, 1996. P. 76.
- ⁸ *Albert M.* Parecon : Life After Capitalism. L. : Verso Books, 2004. Ch. 19. P. 250.
- ⁹ См.: *Shalom S.* ParPolity : Political Vision for a Good Society. Draft, 2004.
- ¹⁰ *Ширяев В. Г.* Свободные автономные зоны как контркультурный проект будущего (на основе анализа эссе Хаким-Бея «Постоянные автономные зоны») // Развитие политических институтов и процессов. Зарубежный и отечественный опыт : материалы 3-й Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2012. С. 138.
- ¹¹ *Скиперских А. В.* Персонифицированная легитимность // *Свободная мысль*. 2005. № 8. С. 200.

УДК 32.019.51

ВОЗМОЖНОСТИ КИНЕМАТОГРАФА В РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

К. В. Базаев

Саратовский государственный университет
E-mail: bazzboy@gmail.com

В статье рассматриваются некоторые теоретические основы информационно-психологического противоборства в рамках политологических исследований информационных войн. Дается краткий анализ возможностей кинематографа как эффективного средства ведения информационного противоборства в долгосрочной перспективе. Современное кино как агент политической социализации.

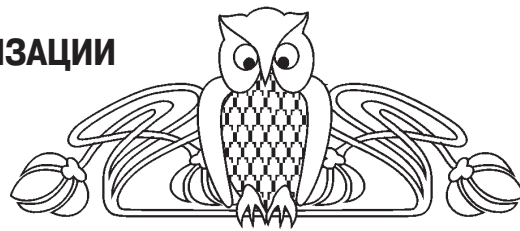
Ключевые слова: информационная война, политическая социализация, общественное мнение, кинематограф.

Capabilities of Cinematograph in Realization of Information Confrontation

K. V. Bazaev

Some theoretical basics of informational and psychological confrontation are considered in this article as a part of political science study of information wars. Short analysis of cinematograph capabilities, which are the effective instruments of information confrontation in a long-term outlook, is given. Modern cinema – an agent of political socialization.

Key words: information confrontation, political socialization, public opinion, cinematograph.

Информационное противоборство – более узкая трактовка одного из значений такого явления, как информационная война. Основными объектами воздействия при таком противоборстве являются психика населения и политической элиты, системы формирования общественного мнения, политические центры принятия решений.

Информационно-психологическое воздействие представляет собой целенаправленное производство и распространение специальной информации, оказывающей непосредственное влияние (положительное или отрицательное) на функционирование и развитие информационно-психологической среды общества, психику и поведение политической элиты и населения России¹.

Сегодня роль общественного мнения, которое имеет влияние на большинство политических процессов в обществе, значительно возросла в связи с процессами информатизации и глобализации. Система формирования общественного мнения является базовым объектом информационно-психологического обеспечения. Актуальность исследований в этой сфере не может вызывать

сомнений. Любой стране в мире необходима эффективная система государственного противодействия операциям информационно-психологической войны. Для того чтобы хорошо работали системы защиты, нужно знать типы «атакующих» систем, понимать принцип их действия и возможные последствия их применения.

В отечественной политологической науке отсутствует единое и общепризнанное определение понятию «информационная война». С. П. Расторгуев считает, что информационные войны представляют собой одновременно открытые и скрытые информационные взаимодействия социальных систем, которые преследуют цель получения определенных преимуществ, обеспечения своего выигрыша в материальной сфере². В. С. Пирумов определяет информационную войну как новую форму борьбы двух и более сторон, которая состоит в целенаправленном использовании специальных средств и методов влияния на информационные ресурсы противника, а также – защиты собственного информационного ресурса для достижения назначенных целей³. Данные определения, на наш взгляд, не охватывают политико-психологической составляющей влияния на различные субъекты в процессе информационного противоборства.

Более адекватным в рамках нашего исследования будет определение, данное В. В. Серебряниковым: «Невоенная информационная война представляет собой воздействие информационными технологиями одной стороны на властные, управленческие и информационные системы другой стороны, на сознание ее населения с целью насильственного навязывания своих духовно-нравственных и культурологических ценностей, возможно, вне связи с какими-либо военными действиями, а в замену их»⁴.

Резюмировав различные теоретико-методологические труды, можно выделить три основных исследовательских направления. В рамках первого информационная война раскрывается в военнотехническом аспекте и понимается как форма обеспечения и поддержания традиционных военно-силовых действий. В рамках второго направления понятие «информационная война» трактуется как совокупность политико-правовых и социально-экономических действий, направленных на захват информационного пространства, вытеснение противника из информационный среды, разрушение его коммуникаций, лишение средства передачи сообщений, а также иные подобные цели. В рамках третьего исследовательского направления информационная война понимается как явление внешне мирного периода противоборства, позволяющего решать политические задачи несилевым путем.

В рамках данной статьи мы придерживались последнего направления для понимания сущности информационной войны. Был произведен краткий анализ возможностей кинематографа как одного из самых эффективных в долгосрочной

перспективе средств ведения информационного противоборства.

Феномен кинематографа в целом, а также отдельные функциональные особенности кино и телевидения изучают, в основном, представители культурологических и искусствоведческих дисциплин, реже – социологи, историки и филологи. Активность политологов в данном исследовательском пространстве значительно ниже. Это объясняется молодостью российской политологии в сравнении с другими общественными науками; междисциплинарным характером подходов к изучению кинематографа; отсутствием универсальной методологии, позволяющей делать однозначные или верифицируемые выводы, и, что не менее важно, самим состоянием современного российского кинематографа.

Тем не менее примеры исследований подобной проблематики нашлись и в отечественных реалиях. Теоретические основания таких работ, на наш взгляд, находятся в области пересечения политической психологии и политической коммуникативистики. Среди эмпирических исследований, отметим работу А. В. Павлова и С. А. Сидоркина «“Симпсоны” как феномен идеологии и политики»⁵. В этой работе объектом анализа является популярный американский мультипликационный сериал, который исследуется с применением политологических категорий – политической идеологии и культура. Автор монографии «Трансформации образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946–1991) до современного этапа (1992–2010)»⁶ А. В. Федоров делает акцент на идеологических, социокультурных основаниях двух эпох – «холодной войны» и постсоветского времени, структурировав и классифицировав киноленты с обеих сторон (мы про них, они про нас) по различным основаниям.

Особо следует отметить монографию «Имперские проекты»⁷, соавторами которой являются саратовские политологи Д. А. Ванюков и И. И. Кузнецов. Голливуд и его продукция рассматриваются «значимым и эффективным полигоном смыслов». Подчеркивается, что взаимосвязь кино и политики в США имеет глубинные корни, и этот феномен до сих пор не вполне осознан. Пожалуй, самым крупным достижением отечественного изучения кинематографа в русле политической науки является наличие учебного курса на факультете прикладной политологии ВШЭ, носящего название «Контент-анализ кинематографа и общественные настроения». Проектом, который, по сути, имеет экспериментальный пока еще характер, руководит И. Е. Кокарев, автор популярной монографии «США на пороге 80-х – Голливуд и политика»⁸.

Важной частью современных политических технологий ведения информационно-психологических войн является создание и внедрение в массовое сознание определенных политических стереотипов. Этот процесс преследует различные цели, среди которых не последнее место занимает

легитимация тех или иных политических решений, в том числе и решений о начале военного конфликта. Большинство вооруженных конфликтов в современном мире сопровождается информационными кампаниями, включающими в себя целую систему политических стереотипов, задача которых не только раскрыть общественности причины конфликта, но и доказать правоту принятия того или иного решения. Среди источников формирования стереотипов необходимо назвать, в первую очередь, целенаправленную деятельность средств массовой коммуникации и политической пропаганды.

В период новейшей истории в связи с усилением роли государства в общественной жизни именно власть и подконтрольные ей институты начинают оказывать влияние на содержание образа внешнего мира. Особую роль играет пропаганда, которая активно внедряется как в СМИ, заполняя информационные потоки, так и в произведения литературы и искусства, особенно такой его массовый вид, как кинематограф. Поскольку кинематограф как пропагандистский инструмент особенно эффективен в связи со своей эмоционально-образной составляющей, то сила этого вида искусства – в глубоком эмоциональном воздействии на зрителя, в способности донести до него готовые стереотипы, идеи и образы. Игровое кино рассчитано на массового потребителя, в связи с этим представляются актуальными и перспективными исследования отдельных произведений этого вида искусства в контексте их идейно-пропагандистского содержания.

В чем эффективность и преимущество кинематографа перед традиционными средствами массовой информации в возможностях информационного противоборства? Мы соглашались с позицией Г. Г. Почепцова в том, что «телевидение и кино задают нормированное поведение и нормированные мысли»⁹. Следовательно, одним из простейших способов обработки самых разнообразных сегментов общества и формирования необходимого общественного мнения является создание серии долговременной информационной продукции, объединенной общей темой и идеологическими установками.

Важной характеристикой является долгосрочность такой продукции, ибо «если газетная статья умирает на следующий день, то кино практически не умирает»¹⁰. Сегодня для того, чтобы посмотреть тот или иной кинофильм, обязательно ходить в кинотеатры в дни проката. Выход продукции на оптических носителях DVD и Blu-Ray делает способы просмотра более доступными. Спустя некоторое время нередки случаи трансляции кинолент и по центральному телевидению. Не стоит забывать и о том, что современная молодежь в вопросах получения информации охотнее предпочтет формат развлечения, нежели самостоятельный поиск и чтение.

Кинопродукция как способ информационно-психологического противоборства способна оказывать чрезвычайно высокое эмоциональное воздействие. С ее помощью в воображении зрителя активно генерируется иллюзорная картина мира в очень идеализированном виде. Кино может произвольно создавать у зрителя ощущение «справедливости» и моральной правоты того или иного персонажа, независимо от его действительной роли в истории. При этом пропагандистское влияние на человека происходит скрытно, на эмоциональном уровне, вне его сознательного контроля. Рациональные контраргументы в этом случае малоэффективны.

Дж. Карлсон считает, что роль телевидения и кино в современном обществе состоит в развитии ориентаций, адекватных в отношении политической системы. Такое влияние (телевидения и кино) на личность сложно определить и тем более измерить. Тем не менее это средство коммуникации остается важным агентом политической социализации. Кино и ТВ оказывают проникающее влияние как на детей, так и на взрослых и поэтому заслуживают большего внимания исследователей¹¹.

Вооруженный конфликт в Южной Осетии, произошедший в августе 2008 г., получил широкий общественный резонанс во всем мире, а также является классическим примером различных технологий ведения информационно-психологического противоборства. Факт информационной войны между Россией и Грузией при поддержке отдельных стран Запада не скрывался, а скорее наоборот, широко тиражировался в различных СМИ.

Главный вопрос, волновавший граждан России, но в большей степени Запада, – кто начал эту войну? Кто выступает агрессором? Новостные выпуски телевизионных передач, многочисленные репортажи, громкие заголовки печатных статей, обращения официальных лиц к гражданам – стандартизированный формат информационного освещения данного события в то актуальное время. Манипулирование общественным мнением происходило во всех форматах. Основной целью этого было дать ответ на главный вопрос каждому социально и политически активному гражданину. Для уверенных – подкрепить свою уверенность, для сомневающихся – обрести ее, для отрицающих – начать сомневаться.

Информационное противоборство после прекращения военных действий не закончилось. С тех пор прошло почти пять лет, но полностью завершенным его нельзя считать и сейчас. На данный момент имеется уже 5 кинофильмов, повествующих об этих событиях: два документальных фильма («Война 08.08.08. Искусство предательства», «Хроники грузинского августа») и три художественных («Олимпиад инферно», «5 дней в августе», «Август. Восьмого»). Документальные фильмы мы не рассматривали в качестве объекта анализа в связи со спецификой жанра и низкой популярностью

среди широких масс. Обычно зрителем документального кино является узкоспециализированная группа людей, побуждение к просмотру у которых связано с несколько иными целями, чем простое развлечение и досуг. Игровое кино, напротив, смотрят разнородные по своему составу большие массы людей.

«Олимпиус инферно» – отечественный кинофильм о вооруженном конфликте в Южной Осетии 2008 г. Режиссер – Игорь Волошин, данные о финансировании отсутствуют. Это первый в мире художественный фильм об этой войне. Был снят в очень сжатые сроки и выпущен в прокат спустя полгода после конфликта. Транслировался по Центральному российскому телевидению 29 марта 2009 г.

«5 дней в августе» – грузино-американский художественный фильм о конфликте в Южной Осетии. Режиссер – Ренни Харлин, бюджет 32 млн

долл. В Грузии премьера фильма прошла 5 июня 2011 г. Кино рекламировалось под лозунгом «Борьба за правду», а его премьера широко освещалась почти всеми грузинскими СМИ.

«Август. Восьмого» – второй российский кинофильм о конфликте в Южной Осетии. Режиссер – Джаник Файзиев, бюджет 19 млн долл. Съемки были профинансированы Федеральным фондом социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии. В отличие от предыдущих, «Олимпиус инферно» и «5 дней в августе», этот фильм официально не рекламировался как «Борьба за правду».

Опуская художественные моменты и характеристики данных кинофильмов с точки зрения искусства, проанализируем их возможности в качестве средства информационного противоборства. Для начала обратимся к субъектному составу основных сюжетных архетипов (таблица).

Анализ субъектного состава исследуемых кинофильмов

Архетип	Олимпиус инферно	5 дней в августе	Август. Восьмого
Агрессор	Грузия	Россия и Южная Осетия	Грузия
Жертва	Южная Осетия и Россия	Грузия	Россия и Южная Осетия
Защитник	Россия	Запад	Россия
Место действия	Цхинвал	Гори	Цхинвал
Главный герой	Американец и русская	Два американца и грузинка	Русские мать и сын
Главный злодей	Грузинский капитан контрразведки	Казак, командир наемников РФ	Собирательный образ – робот Мраковласт

В отечественных кинофильмах в обоих случаях в качестве агрессора безоговорочно выступает Грузия. В грузино-американской версии это вначале сепаратисты Южной Осетии, затем присоединившиеся к ним Вооруженные силы РФ. Архетип «Жертва» – наиболее пострадавшая в результате конфликта сторона. Во всех фильмах больше всего страдает мирное население, нежели военные формирования. «Защитник» – сочувствующий «Жертве», выступающий против «Агрессора». В «5 дней в августе», помимо активно принимающих в конфликте противоборствующих сторон, задействована третья сторона в лице Западного сообщества и конкретно США, которые встанут на сторону «потерпевшей» Грузии.

В фильме «Август. Восьмого» из-за особенностей разветвленного сюжета, добавляется «Защитник» под видом доброго робота Заура. «Главный герой» – гражданин основных действующих лиц. Здесь следует отметить, что американец из «Олимпиус инферно» в прошлом являлся гражданином России, поэтому должен восприниматься зрителем как «свой». «Август. Восьмого» имеет уникальную сюжетную линию, где, помимо реального мира с военными действиями, существует выдуманный мир маленького мальчика, попавшего под обстрел грузинскими войсками, где его родители по очереди в образе доброго робота Заура сражаются с собирательным образом Войны и Коварства,

злым роботом Мраковластом. Сильной стороной «Августа. Восьмого» является уход от военно-документального изложения в жанр фантастики. Это расширяет целевую аудиторию фильма, делая его интересным для просмотра юными зрителями.

Эффективность воздействия данных кинолент прежде всего в том, что они дают четкую картину произошедшего и конкретный ответ на вопрос «кто начал эту войну, кто является агрессором?». Эмоциональная составляющая усиливается показом постоянных смертей среди мирного населения. Сочувствие потерпевшим насилие затупляет рациональные чувства. Данную продукцию продолжают смотреть сегодня и будут смотреть завтра. В этом ее преимущество перед возможностями традиционных СМИ: долгосрочность, самообеспечение и ориентация на молодежь.

В заключение еще раз отметим, что возможности кинематографа в реализации информационного противоборства крайне широки, и в настоящее время слишком мало внимания им уделяется в рамках политологических исследований. Россия сделала уверенные шаги в этом направлении, сняв два кинофильма о событиях 2008 г. в Южной Осетии, но еще многому предстоит научиться. Нужно понимать, что в XXI в. это не только эффективная форма нападения в информационной войне с Западом, проявление политики «мягкой силы», но и необходимое средство защиты. И им нужно чаще пользоваться.

Примечания

- ¹ См.: *Панарин И. Н.* СМИ, пропаганда и информационные войны. М., 2012.
- ² См.: *Расторгуев С. П.* Информационная война. М., 1998.
- ³ См.: *Пирумов В. С., Родионов М. А.* Некоторые аспекты информационной борьбы в военных конфликтах // *Военная мысль.* 1997. № 5. С. 44–47.
- ⁴ *Серебрянников В. В.* Социология войны. М., 1997. С. 43.
- ⁵ См.: *Павлов А. В., Сидоркин С. А.* «Симпсоны» как феномен идеологии и политики // *Полис.* 2007. № 5. С. 81–91.
- ⁶ См.: *Федоров А. В.* Трансформация образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946–1991) до современного этапа (1992–2010). М., 2010.
- ⁷ См.: *Ванюков Д. А., Кузнецов И. И., Самсонов Д. В.* Имперские проекты. М., 2010.
- ⁸ См.: *Кокарев И. Е.* США на пороге 80-х – Голливуд и политика. М., 1987.
- ⁹ *Почепцов Г. Г.* Информационно-аналитические технологии. М., 2003. С. 194.
- ¹⁰ Там же. С. 203.
- ¹¹ См.: *Карлсон Дж.* Телевизионное развлечение и политическая социализация / пер. М. М. Назарова // *Назаров М. М.* Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования. М., 2004. С. 365.